

ВАСИЛИЙ ЗАБЕЛЛО

Журавлиная земля Анатолия Горбунова

...Понял я, отчего у России в глазах поселились
навек в глубине журавлиные стаи...

*А. Горбунов,
стихотворение «Синева»*

Анатолий Горбунов

В безлюдном остожженном поле, едва слышав рыдающее многоголосье первых осенних журавлей, которое, как всегда, застигнет тебя врасплох, да так, что забыв обо всём, судорожно закрутишь головой, высматривая в небесной просини торопливо гребущую на юг вереницу, а отыскав, проводишь её ровно до той черты, где небо сходится с землёю, а проводив, уронишь лицо в ладони и, часто вздрагивая, будешь долго стоять так, охваченный чувством вечного прощания. Разве кто из русских, сибирских людей вот так, глядя вослед улетающим журавлям, не прятал в ладони набегавшие слёзы? Вот и ты — не первый, и не последний, задашься вдруг вопросом: вернутся ли весною? Доживу ли?..

Своих журавлей поэт Анатолий Горбунов в последний раз проводил осенью 2016 года. По весне встретить уже не довелось, не дожил.

Познакомился я с ним в 1978 году. Работал тогда на Байкальском целлюлозно-бумажном комбинате, в то время печально известном, а ныне почти забытом. В ту пору бюро пропаганды художественной литературы регулярно устраивало творческие встречи с рабочими нашего предприятия. Я узнал, где остановились писатели и, осмелившись, позвонил в номер гостиницы. Дверь открыл в скромном поношенном пиджаке коренастый сутуловатый человек средних лет, среднего роста, со слегка опущенной тёмно-русой головой. На мой вопрос: здесь ли остановились писатели из Иркутска, тихо проговорил: «Да, здесь. А что вы хотели?»

— Я пишу стихи и хотел бы Вам показать, — подал тетрадь. Теперь-то я понимаю, что поступил слишком бесцеремонно, поскольку разговор происходил на пороге. Из-за спины писателя с любопытством глянуло круглое холёное лицо, как после выяснилось, начинающего поэта из Братска Владимира Корнилова, который по собственной инициативе сопровождал Анатолия Константиновича в творческой поездке.

Намедни Анатолий Горбунов прибыл из Москвы, куда был приглашён на съезд молодых писателей, где ему вручили медаль и, на то время, знаковую престижную

премию имени Николая Островского, которая открывала двери не только в местные, но и в разные столичные издательства.

Несмотря на такое яркое вхождение в сибирскую литературу, позой «мэтра» поэт, как многие литературные акулы, стерегущие издательские кормушки, не выделялся: в общении был прост, внимателен, немногословен, достаточно скромно и внешне, как бывший армейский разведчик, мало заметен. Взяв тетрадь, Анатолий Константинович отступил на пару шагов и тут же, в прихожей начал просматривать стихи. Прочитав пару-тройку стихотворений, сказал: «Здесь не хватает только техники», — без разговора взял карандаш и заменил в одной строфе эпитет. Строфа сразу же оживилась. Анатолий Константинович из смежной комнаты позвал писателя Леонида Леонтьевича Огневского послушать мои стихи. Пришлось декламировать.

С той памятной встречи я стал живо интересоваться творчеством поэта. Будучи в Чите, в книжном магазине мне удалось купить несколько его книжек с названием «Чудница» — первая книжка поэта, за которую он и получил вышеупомянутую премию и был принят в Союз писателей СССР.

Поскольку свои книги у Анатолия Константиновича, оттого, что раздаривал, не задерживались, одну из них я подарил ему, подписав: «Автору от читателя».

Вскоре мы подружились. Нас объединяли таёжная стихия, Байкал, деревня и духовное влечение к творчеству, из-за которого Анатолий Константинович растался с гражданской авиацией, кормился только пером и сезонным таёжным промыслом. Устройство быта его мало беспокоило. Бывало гостю подавал стул, а сам присаживался на торец чемодана. Подходил сезон сбора черемши — поэт шёл в тайгу за черемшой, попевали черника, брусника — собирал ягоду, и по скорости сбора равных ему я не встречал. Однажды случилось вместе шишковать, пошли разведать деляну, поискать, где более убористый кедровый колотовник, вышли на солнцепёчную плешину, а она будто кровью залитая, брусника, — ковром багряным! Ступить некуда. Что делать? Тары нет, собирать не во что. Анатолий Константинович, недолго думая, надрал берёсты и каждому смастерил по два вместительных туеса. Вскоре брусника завидно красовалась в берестяных туесах, сшитых деревянными гвоздями. Что и говорить, Анатолий Константинович таёжником был испытанным, — настоящий сын тайги и деревни. И эта самобытность с неизбывной любовью и болью сердечной проходит через всё творчество поэта, пока, к сожалению, по достоинству не оцененного. Показательны к вышесказанному строки из стихотворения «Тихая деревня»:

*...Кого винить? Кого жалеть?
Прости, деревня, я бессилен
Пустые избы обогреть —
Их много нынче по России.*

*Смотрю на дикие поля,
Ловлю глазами птичью стаю.
Деревня тихая моя,
Тебя весёлой вспоминаю.*

*Не вспыхнут радостно огни.
Не всхлипнут в сумяти колёса.
В траве обломками лыжни
Белеет палая берёза.*

*Молчишь. Надеешься и ждёшь,
Что сыновья к тебе вернуться,
Посеют солнечную розь
И первым восходам улыбнутся.*

К великой скорби сибирских нив сыновья в родные гнездовья не возвращаются. Мудрецы бед человеческих этому всячески способствуют.

Помнится: собралась поэты вокруг, заговорили о Великой Отечественной войне, стали по этой теме стихи читать. Все читали, более-менее на уровне данно-

*Может мне повезло, но моя ли вина,
Что ещё до сих пор
о погибших горюют туманы.*

*Не суди меня, рожь, не кори меня, плёс.
Вдовы очи грустят,
народившийся месяц смеётся.
А за мной по пятам
вдоль продрогших берёз
По зелёной траве
белобрысое детство несётся.*

Поэт Анатолий Горбунов родился и вырос на берегах могучей Лены реки, где веками обосновывался жизнеспособный крепкий люд. Недаром коренные насельники величают Лену рекой жизни. Именно на её берегах, в рубленной из лиственничных брёвен избе будущий поэт с молоком матери вбирал в себя песенную красоту родного края, которая всю жизнь наполняла его творческие силы божественной любовью и непреходящей новизной.

Лесная сторонка

*Деревенька в сугробах на горке.
И привязанный к облаку дом.
Седоусым налимом на зорьке
Вьётся речка под самым окном.*

*Лунной ночью ушастые зайцы
Греют кровь по раздольным полям.
Ухнет в ельнике филин глазастый —
У зверушки душа пополам.*

*В ясный полдень на зыбких голицах
Из ограды скатись в березняк —
Изумлённо в глазах заискрится
Ослепительным звоном куржак.*

*Юркнет с вербушки тень горностая —
Пискнет тоненько мышь у гумна...
Хороша ты, сторонка лесная,
Хороша ты во все времена!*

Анатолий Горбунов поистине поэт народный, таёжно-крестьянской закваски. Поэтическое видение, которое он оставил нам, свидетельствует о необычайной одарённости и большой сыновней любви к родному краю. Сегодня мы с болью наблюдаем, как гружённые отборным лесом километровые составы изо дня в день, из ночи в ночь уходят в Китай, и конца этому не видно. Где уж тут до развития отечественной экономики, когда коренной житель Сибири не в силах построить избу? С одной стороны — нищ, с другой — московский хозяин не разрешает. Как будто Сибирь приговорена к уничтожению, точнее, её леса и недра, а заодно и народ.

Приговорённые

*Лесоповальные кочевья
Устало спят в искристой мгле.
С тайгой прощаются деревья,
Приговорённые к пиле.*

*Они, живые, понимают,
Что вспыхнет день —
и рухнут в снег...
Друг друга молча обнимают,
Как человека человек!*

Говорят: о чём душа болит, о том и пишем. Анатолий Горбунов, как и прочие дети войны, испытал на себе всю тяжесть подъёма послевоенной хлебопашенной деревни.

*...Вспошла русская природа
Небесной силой колоски.
За хлеб в любое время года
Вы бьётесь насмерть, мужики.
Хлеб — не цветы растить на грядке,
Его влеготку не возьмёшь.
Два-три цветка — гони десятку...
А за ковригу платят грош...*

*Не оттого ли в ресторане,
Дух оскверняя свой и плоть,
Сверхсовременные дворяне
Окурки гасят о ломоть?
Мне в жизнь на хлеб не наглядеться,
Не намолиться на поля.
Я этот хлеб несу из детства,
Краюхе цену знаю я.*

Удивительно то, что ещё в семидесятые годы поэт высказал опасение за будущее колхозных хлебопашенных деревень и самой кормилицы Лены, ныне, по причине сплошных таёжных вырубок, обмелевшей и почти несудоходной.

*...Что ждёт тебя в грядущем, Лена?
Беду о камешки разбей.
В кремлёвских недрах зреет смена
Неустребимых упырей.*

*И днём и ночью вьют удавку
Глотнувшей воздуха стране.
По курсу сделают поправку,
Корону вручат сатане.*

Теперь мы видим: со снайперской точностью случилось предсказание поэта.

В музее истории

*С обширной лысины стекает
На лоб родимое пятно.
— Кто на портрете?
— Это Каин,
Народом проклятый давно.*

К великому сожалению сейчас предателям и разрушителям страны под названием СССР, которые истово клялись и присягали Ей на верность, ставят памятники, строят досужие Ельцин центры, на деньги ими же преданного и обобранного народа.

И правды не найдёшь. Помнится: Борис Ельцин с гордостью заявлял, что они с Клинтонем партнёры, на что Анатолий Горбунов незамедлительно отреагировал частушкой:

*Ельцин — Клинтону партнёр.
Дело было глухо:
Клинтон Ельцина припёр,
И пошла порнуха.*

К нашему стыду, по сути так и происходило, и продолжается в том же духе, только ещё с большим размахом. А за всем этим стоит с полыми воротами распахнутая Русь-матушка, которая всё принимает — и разруху, и западную клоаку, и огонь войны, и обезьянство, и ради чего? «Умом Россию не понять» — сказал Фёдор Иванович Тютчев. Видимо, сильно нас любит Господь, коль испытывает на прочность и Веру, вот и ставит в правители от сатанинского сговора, коронованных на Мальте, разных меченых, беспалых и рыжих. Анатолий Горбунов об этом в стихотворении «Русь» сказал по-своему.

*Страна богатая и голая,
Куда не глянь, везде урон.*

*Сынам за верность рубишь головы
И садишь пасынков на трон.*

*Не дорожишь родными стенами,
Не бережёшь родную даль.
Твоими недрами и генами
Торгует праздничная шваль.
Века грешишь и Богу молишься,
Скорбишь и точишь топоры,*

*А кровью собственной умоешься,
В снегах притихнешь до поры.
На солнцепёках отогреешься,
Озёрной ивой встретишь май...
Куда идёшь, на что надеешься?..
Тебя попробуй разгадай!*

Конечно, отрадней было бы воспевать солнечные нивы с тучным колосом, густохвойный бортяжный лес, полный зверья и дичи, упруго текущую в Ледовитый океан рыбную Лену, с бегущими по её зеркальным плёсам шлёпанцами крохалями. Воспевать, как венец уборочной страды, праздничные отжинки под открытым небом за столами в пол-улицы, накрытыми всякой снедью. Только где теперь всё это взять? Злой разум в погоне за изобилием земных сокровищ и радостей жизни настолько исковеркал, изуродовал домострой и живую природу, что в пору локти кусать да прощенье у Господа Бога вымаливать.

Красивую, но печальную вотчину рисует поэт в стихотворении «Пьяная деревня»:

*Кучи жёлтой ботвы.
Опустевшие грядки.
Замер в голых полях
Скрип гружёных телег.
По-над крышами изб
Шли и шли на посадку
Вглубь печальных болот
Журавли на ночлег.*

*Напророчили ей
Вещуны поднебесья
На грядущую жизнь
Перемены и крах.
По оградям текла
Заунывная песня —
Отпевали себя
Мужики во дворах.*

*Мы сидели с тобой
На скамеечке древней,
Хоронили закат
В обмелевшей реке.
В струях прожитых лет
Отражалась деревня,
Красный бакен качал
Огонёк вдалеке.*

*Стёрта с лика земли
Та хмельная деревня,
Два пенька на бугре
Сиротливо торчат,
Где сидели с тобой
На скамеечке древней,
В обмелевшей реке
Хоронили закат.*

Ошибался Сергей Есенин, объявляя себя последним поэтом деревни. Последний поэт деревни — это ушедший от нас четыре года назад Анатолий Горбунов.

Зелёная отчизна

*Ослепший дом.
На брёвнах накопль солнца.
За полем обомшелые кресты.
Как дикий конь,
В лугах туман насётся,
Седая грива льётся на цветы.*

*Напрасно ждёт весёлое остожье
На косовицу ратников своих —
Уставшие, они по воле Божьей
Рассеялись в пустотах голубых.*

*Скорбит река о празднично идущих
По вечному по Млечному Пути...
В заоблачно далёких райских куцах
Милей лугов, чем эти, не найти!*

*Прости живых, зелёная отчизна,
За то, что мы собой не дорожим,
За то, что мы на самом склоне жизни
Даём оценку радостям земным.*

*Ослепший дом.
На брёвнах накипь солнца.
За полем обомшелые кресты.
Как дикий конь,
в лугах туман пасётся,
Седая грива льётся на цветы.*

Давно замечено, что большие реки рожают большие таланты. На Ангаре родился и рос писатель Валентин Распутин, имя которого впоследствии стало общечеловеческой культурой. С именем Виктора Астафьева неразрывно связан могучий Енисей, без которого писатель, уехав, не смог жить, пришлось возвращаться. На берегах Лены реки возрастал большой поэт Анатолий Горбунов, вобравший в себя её исконный песенный разлив. Сегодня весомо заявил о себе и его кровный земляк — молодой прозаик Андрей Антипин, отчасти справедливо попрекающий нас за то, что не сберегли социалистическое Отечество, — пропили, промотали...

Однако, вернёмся к творческому наследию Анатолия Горбунова. Как гражданин села, поэт не мог молчать, видя происходящий разор и уничтожение вековых традиций и самих поселений Приленья. В стихотворении «Журавель» через простой колодец, каких по Сибири было множество, показана душеспемительная картина увядшей деревни, в которой отразилась вся её жизнь, земная и небесная. Стихотворение приводится целиком.

Журавель

*Ненаглядный ты наш водолей,
Мы в обиду тебя не давали
И в своих двойников не плевали,
Родовых не мутили ключей.*

*Воздавая добром за добро,
Ты дарил нам небесные блики,
Так протяжно и скорбно курлыкал,
Что слезилось над срубом ведро.*

*И гордился, и кланялся нам,
Утолял сенокосную жажду,
Окликая крылатых сограждан,
Устремлялся к родным облакам.*

*Обручал женихов и невест,
Привечал балалайку с баяном...
Сибились русичи — белый с багряным —
Содрогнулись деревни окрест.*

*Хлеб — и тот превратился в песок.
Голосили бездомные лайки.
И оплакал баян балалайку
У твоих окровавленных ног.*

*Кто украсит колосьями Русь?
Кто обмоет народные раны?
Поредели кормильцы Иваны,
В теремах не осталось Марусь.*

*В ясной памяти чуткой воды
Сколько их, отражений, хранится...
Задыхается небо в темнице,
И на солнце рассохлись лады.*

*Ненаглядный ты наш водолей,
Встрепенись над забытым колодцем —
Колокольная высь отзовется
Перезвоном седых журавлей.*

Есть писатели, произведения которых сорок раз перечитываешь и всё мало. Например, Николая Васильевича Гоголя, Сергея Александровича Есенина, Фёдора Ивановича Тютчева и др. Так и Анатолия Горбунова сколько бы раз ни перечитывал, всегда откроешь новые горизонты его поэтического видения, всегда охолонишься свежей родниковой струёй, удивляясь его умению оживлять и очеловечивать даже, казалось бы, бездушные предметы. И всё написано не ради красного словца, а по жизненной необходимости и душевному всплеску. Ничего проходного, перепевного с другими собратьями по перу. Обозначилась, скажем, в мире проблема пресной воды, из уст поэта выкатилось:

Яблоко раздора

<i>Не спит мировой капитал — Убийца в законе; Расчерчен священный Байкал На синие зоны.</i>	<i>А нам — за прозрачный глоток Прикладами в зубы? Грядёт мировая война За пресную воду... Готовься, родная страна, К большому походу!</i>
<i>На запад, на юг, на восток Намечены трубы...</i>	

Сегодня пестуны воровской буржуазной идеологии ловко манипулируют общеизвестными понятиями, говоря проще, переворачивают весь мир с ног на голову. Иуда становится жертвой, героем мучеником предатель Власов, пострадавший от Сталина, и т. д. Анатолий Горбунов по этому поводу выразился стихами.

Иуда

<i>Как сребреники, глазки Начищено горят. О нём слагают сказки Уже на новый лад.</i>	<i>И славит выше тучи Иуду бесота. Как будто изверг мучил Его, а не Христа.</i>
--	---

Кащеи

<i>Осквернены и Русь, и Азия, Душа в плевках — и всё молчим, Как будто гордость нашу сглазили, Родной родному стал чужим.</i>	<i>И человеческие органы На перекрёстках продают. Открыто галятся над странами, Внедряясь шёпотом во власть, А мы глядим шарами пьяными, Обнявшись, чтобы не упасть.</i>
<i>Кащеи падкие на оргии, Взрывают мир то там, то тут,</i>	

Заметим: поэт во всех случившихся скорбях и бедах, кроме себя самих, никого не обвиняет. Если вспомнить старые летописи, то и они, как правило, начинаются со слов: «За грехи наши пришли на Русь татары...» Русский человек всегда был наивен и слишком доверчив. Враги России в прежние времена шли завоёвывать наши земли с открытым забралом и в итоге получали отлуп. Теперь же, вкрадчиво усмехаясь, предательски внедряются во все жизненные сферы, особенно во властные правящие структуры. Но суть остаётся прежней: заполучить Россию и владеть ею до полного истощения. В стихотворении «Курилки» Анатолий Горбунов иронически говорит и об этом.

Курилки

*Это что, скажи, за командиры?
Пепел, серый пепел на мундирах.
Дунь — и заклубится мутным роем,
Шар земной, как инеем, покроет.
Над российской картой жадно курят,
О судьбе народа балагурят.
Государство —
 сплошь в прожженных дырках.
Жарко баня топится в Бутырках:
Горы дров стратеги наломали,
За три века их сожжём едва ли.
Долго будем помнить перестройку...
— Марш, курилки, на головомойку,
А иначе пепел, серый пепел
Уши нам, глаза и рот залепит!*

Кто из русских людей во время предательского ельцинского правления не испытывал чувство вины за поруганную Сербию, которую бомбили натовские самолёты? По сути, тогда мы расписались в своей беспомощности. Анатолий Горбунов рассказывал, что пока не написал «Божью рать», не мог успокоиться, хотя бы частично. Это стихотворение привожу полностью.

Божья рать

<i>Птиц высоких набат!</i>	<i>Там урановый чад —</i>
<i>Тихо молятся вербы.</i>	<i>Безнаказанно хамы</i>
<i>Где-то насмерть стоят</i>	<i>Днём и ночью бомбят</i>
<i>Непокорные сербы.</i>	<i>Православные храмы.</i>
<i>Кроме вольных курлык,</i>	<i>И кресты от огня</i>
<i>Не дождутся подмоги:</i>	<i>Завиваются в кольца...</i>
<i>Сбился русский мужик</i>	<i>Запишите меня,</i>
<i>Со славянской дороги.</i>	<i>Журавли, добровольцем.</i>

<i>Из угрюмой земли,</i>	<i>Вот взлечу я, взлечу,</i>
<i>Из холодного края</i>	<i>Тень роняя на сёла,</i>
<i>Вдаль скользят журавли,</i>	<i>Журавлём прокричу,</i>
<i>Опереньем сверкая.</i>	<i>Догоню невесёлых.</i>
<i>Строй за строем идут,</i>	<i>И расступится строй,</i>
<i>Окликая друг друга,</i>	<i>Дружно примет собрата</i>
<i>На Балканский редут,</i>	<i>Под раскатистый бой</i>
<i>Словно гридни в кольчугах.</i>	<i>Мирового набата.</i>

Мирового набата, как известно, не случилось, а теперь и мы в одиночестве окружены международными хищниками. Грустно. Ну да не впервой русскому мужику воевать не только со своей бабой, но и со всем миром, потому всегда верил, что с Божьей помощью, всё одно: отлуп будет за ним!

Разговорились как-то мы с Анатолием о Вере, полушутя сказал ему: «Толя, у тебя Вера какая-то особая, фольклорная с языческим оттенком, и сам ты день и ночь махру тянешь, а в православии курение — грех, я после гостевания у тебя долго избавляюсь от пропитки табачным дымом. До чего ж бесовский дух въедлив!» Разговор у нас состоялся в канун Великого поста, а на Светлой седмице

Анатолий подарил мне стихотворение с посвящением. Забегая вперёд, скажу: за десять лет до своей кончины Толя проявил характер — бросил курить.

Пасха

*Все ходы завиты прутьями,
Потайных нарыли ям,
Чтобы Пасха стёжку путала,
Не ходила в гости к нам.
Православное ведичество
Явно им не по нутру.
Божий свет — не электричество,
Не отключишь поутру.
Пусть себе визжат-аукают,
Ну а мы народ простой,*

*Яйца красим горем луковым —
Золотистой шелухой.
Ты катись по блюдцу синему,
Солнце красное, катись!
На ладонях наших линии,
Как ручьи, струятся в жизнь.
Пусть себе иуды бесятся,
Оглашая русский лес.
Навизжятся — и повесятся...
Наяву Христос воскрес!*

Поэт Анатолий Горбунов под своими произведениями, в отличие от большинства собратьев по литературному цеху, дат не ставил. Он считал, что настоящая поэзия принадлежит вечности и рождается по воле свыше. Однако, читая и перечитывая его поэзию, будь то лирическая или гражданственная, видишь и чувствуешь то время и происходящие в нём события, о которых идёт речь. Историческую хронологию по его произведениям определить не трудно. А как узнать хронологию фольклора или поговорок, народных пословиц? Не определить, это вечно, откуда вечен народ — носитель языка. Творчество Анатолия Горбунова изобилует разными полузабытыми словами, названиями, которым поэт даёт второе рождение. Свою первую книгу Анатолий назвал «Чудница», я спросил: что означает это слово? Оказалось, что это спасительная просека, затеси, которые выводят заблудившегося в тайге человека на жизненный простор. Признаться, сам попадал в такую историю и по старым, почти затянутым смолой затесям, от дерева к дереву выбирался из глухого леса на свет. Чудница вывела и спасла, и не меня первого. А вот с привлечением фольклора в стихотворной форме поэт выдаёт «Сказ» от первого лица девицы.

*Припозднился гость в счастье ряженный,
Перелётками исповаженный.
Заклинаю: сгинь петухом в трубу,
Окаянную не пытай судьбу.
Не к твоим рукам руки ладятся,
Не к твоим ногам слёзы катятся,
Не с тобой, с другим против горя плыть,
Свет берёзовый из ладоней пить.
Далеко мой друг или около,
Преодо мной стоит он, как вкопанный.*

*И ревнив zelo, и пригож на вид,
А рассердится — кипятком кипит.
У него глаза глубже проруби,
Ласки жаркие, а не олюби.
Он мою красу — золоту косу
Чешет месяцем в молодом лесу.
Что ты высидишь, гость непрошенный,
Что надумаешь, огорошенный?
Заклинаю: сгинь петухом в трубу,
Окаянную не пытай судьбу.*

Какой бы темы ни касался поэт, будь то историческое событие или бытовое дней недавних, его перо удивительно точно отражает и психологию времени, и кульминацию момента.

Улыбка истории

*Оккупантов через лес
Палкой гнал кривой Кутузов,
Съели весь деликатес
На болотинах французы.
Не ворчи, любезный Жак,
Погляди — товар не мелкий,*

*Сто лягушек за пиджак —
Очень выгодная сделка!
Нынче шастают в Сибирь —
Тут найдётся что покушать:
Наша ивовая ширь
Располным-полна квакушек...*

Говоря по правде, лично бы я сбросил до семи лягушек, но у поэта Горбунова душа широкая, жалостливая. Интересно: в столице его пожалели?

В столице

<i>Пивнушки. Рекламы. Витрины. Буханка да мелочи горсть. Сын ветра и горькой рябины, На этой земле я не гость.</i>	<i>Нас много с российских окраин За правдой примчалось в Москву. Вокзальной испуганной птицей Кидается под ноги снег.</i>
<i>На этой земле я хозяин, Привыкший к ржаному куску.</i>	<i>В широких объятьях столицы Найду ли сегодня ночлег?</i>

Лично я не нашёл и, более того, гонимый жаждой, в литературном кафе у холёного кудрявого «пуделя» — бармена непонятных кровей и полстакана кипятка не выпросил, пожалел «собака». Рассказал Анатолию, поэт, смеясь, выдал: «Однако, земляк, за русскую землю повоевать ещё придётся». Вскоре Анатолий написал стихотворение «Утулик», — название моей деревни. Стихотворение заканчивается почти этими же словами.

*...Посидим в тишине, погорюем...
И пока в жилах силушка есть,
Мы ещё, сибиряк, повоюем
За свободу, за русскую честь.*

Повоевать-то не штука, да только сегодня в полон без войны нас берут. Послевоенные поколения заводчан, хлеборобов вместе с заводами и пашнями стремительно уходят в небытие. Пустые территории сдаются в аренду и заселяются пришлым людом. Своего-то нет, не народилось — такова замаскированная интервенция. И причин тому великое множество. Одна из них: в перестройку смертность в разы перекрывала рождаемость. Анатолий Горбунов в стихотворении «Обречённая» говорит об этом с саднящей болью в сердце.

<i>От пустых оград и нищеты На попутке в город упорхнула. Не сбылись заветные мечты — Перестройка жизнь перечеркнула.</i>	<i>Вычерпали Родину до дна. Все кому не лень тобой владели. Солнцекудра, статна и чиста, Веточкой надломленной увяла. Взор погас. Поблекла красота. Ни женой, ни матерью не стала.</i>
<i>Кабаки. Измятая постель. Это что за нация такая, Дочерей швыряет на панель, Над собой глумится, вымирая?!</i>	<i>Часто снится дом на берегу, Девочка в малиновом платочке Босиком на скошенном лугу Собирает поздние цветочки.</i>
<i>Пришлыми заселена страна, Выкрутить бы руки лиходеям —</i>	

Осень 1993 года

<i>Не осталось в живых, Кто свободу любил Лики, лики святых У подножий могил... Всех мы предали, всех, Чтоб себя уберечь!</i>	<i>На побоище — смех, Чужеземная речь. Чёрный ветер Москвы — И позор наш, и стыд... Слёзы русской вдовы Прожигают гранит.</i>
---	---

Творчество Анатолия Горбунова о многом заставляет задуматься. То, что наши отцы и деды собирали крохами, промотано ворохами. И ответ держать некому. Через чувство стыда и позора поэт призывает к совести, невольно задавшись вопросами: когда же поднимемся, как великая державная нация? Когда оздоровимся? Пора бы... Сегодня русский медведь ранен, и русофобские паразитические шавки в лице разных «чубайсов» и прочих «познеров», сытно посапывая, со всех сторон обложили его, не дай Бог, поднимется, встанет во весь буреломный рост, и тогда...

А это произойдёт обязательно, поскольку заступница и покровительница России — Матерь Божья иного не допустит. К сожалению, в суете, в погоне за пищевым и денежным достатком — сиюминутным призраком, мы зачастую забываем о главном, а главное для поэта — правдивое служенье музам, которое, как известно, не терпит суеты. Сколько довелось мне знать Анатолия, могу утверждать, что он всегда служил главному, — этим богат и счастлив был, потому и оставил нам сокровище, — неизбежную любовь к родной земле, запечатленную в стихах и прозе.

Золотые звоны

<i>Вьются, вьются, вьются, вьются</i>	<i>Стало ближе и дороже</i>
<i>Золотые птички стаи,</i>	<i>Всё живое перед стужей:</i>
<i>Звоны льются, звоны льются,</i>	<i>Я не зря на свете прожил,</i>
<i>Ударяются о ставни.</i>	<i>Если был кому-то нужен.</i>
<i>Бабье лето колоколит</i>	<i>Опадая, осенницы</i>
<i>И не тихо, и не громко.</i>	<i>Вьются, вьются, вьются, вьются...</i>
<i>Перешёл я через поле —</i>	<i>Жизнь моя не повторится,</i>
<i>От начала и до кромки.</i>	<i>И обратно не вернуться.</i>

<i>Вихри сивые завьюжат</i>	<i>Бабье лето колоколит</i>
<i>След моей судьбы нескладной.</i>	<i>И не тихо, и не громко.</i>
<i>Над страной планеты кружат,</i>	<i>Перешёл я через поле —</i>
<i>Соблюдая строй парадный.</i>	<i>От начала и до кромки.</i>
<i>Ночь на травы росы нижеет.</i>	<i>Льются звоны золотые,</i>
<i>По лицу струятся слёзы:</i>	<i>Золотые льются звоны,</i>
<i>Я себя мальчонкой вижу</i>	<i>Словно иволги ручные</i>
<i>У родительской берёзы.</i>	<i>Опускаясь на ладони.</i>

Несомненно, Анатолий Константинович Горбунов, как человек и как одарённый писатель, талант в землю не зарывал, жизненное поле от начала до кромки прошёл достойно, всегда был нужен и взрослым и детям. Помнится, как многие любители литературы, особенно земляки поэта, с нетерпением ожидали выхода его новой книги, как радовались её приобретению. Было время, когда люди в очередь записывались за книгами, как в голодные года за хлебом. Поистине сказано: «Не хлебом единым жив человек». Тогда развитие отечественной культуры было под призором нравственной социалистической морали, возложенной на фундамент христианских ценностей. Сегодня же приверженцы буржуазного либерализма, возвеличивая низменные инстинкты, проводят линию торгашей и потребителей, упорно стараются загнать человека чести в скотское стойло. Дошло до того, что у молодёжи крадут будущее, урезаются жизненные горизонты, и просвета не видно. Нужда в честном писательском слове, как никогда, актуальна, особенно в лирико-патриотическом, как у Анатолия Горбунова.

Севера

Дикое, знобящее раздолье.
Наледи. Сугробы. Тишина.
Сломанные жерди да околье —
Бывшая зелёная страна.
Истребили птицу и скотину.
Растеряли походя добро.
Облепило вербы да осины
Чёрных птиц угрюмое юро.
Разбрелись по свету посельчане.
Некому работать на земле.

Жизнь и смерть на зимниках венчая,
Волчьи стаи мечутся во мгле.
Обживает лютное заморье
Брошенные нами севера —
Золотом набитые сугорья,
Полные распадки серебра.
Сивый снег скрипит, как половицы.
Негде приотиться на постой.
Посадили чёрта на божницу —
Надругались сами над собой.

1993

Американизация

Нам глотки жжёт колониальный яд.
Прорабы войн и варварского курса,
Они одним желанием горят —
Прибрать к рукам природные ресурсы.
Не слёзы, кровь течёт из наших глаз.
Бездушные страной железно правят,

В сеть проводов опутывают нас,
Химическими комплексами давят.
Лишают нас и мыслей, и страстей.
В тела вживляют кнопки и пружины...
Машины так похожи на людей,
А люди так похожи на машины.

В последней строфе, на мой взгляд, слово «кнопки» заменить бы на слово «чипы», было бы точнее. Но, как говорится, из песни слов не выкинешь. Также хочется привести стихотворения чистой лирики, когда душа поэта разговаривает с Богом.

Звезда

Верил я чудесам,
Греясь у печурки —
То не мать по утрам
Поджигала чурки,

Годы вытили стать,
Обмелели реки —
Хлопотливая мать
Уронила веки.

А звезда в дымоход
Падала, горела...
Я кидал печке в рот
Щепки то и дело.

Ни слезы, ни следа
На отаве рыжей...
Но струится звезда
Над родимой крышей.

Наполнялась изба
Музыкой и светом,
Пела песни труба
И зимой, и летом.

Над раздумьем полей
Ночи озаряет,
От недобрых людей
Русь оберегает.

Стерхи

Давно позёмка стелется,
Вплетая звон в дубравушки.
Смотрю, и мне не верится:
Откуда вы, журавушки?!

Из песни ли, из сказки ли
Пригрелись нечаянно?

Морозами обласканы,
Разлукой опечалены.

Рыдают птицы поздние,
Несут их крылья быстрые
В чужие дали грозные
На чьи-то злые выстрелы.

*Горюет эхо ясное...
На свете так уж водится,
Что жизнью за прекрасное
Всегда платить приходится.*

*Кому судьба — забавушки,
Кому — сторонка милая...*

*Журавушки, журавушки —
Кручина белокрылая!*

*В моих глазах ли, в небе ли
Мелькнули и растаяли,
Как будто вас и не было,
А боль в душе оставили.*

Берёзовая звонница

*Над солнечной оградой
Поют деревья белые,
На снег со звоном падают
Серёжки индевелые.*

*Срываясь, ударяются
О залежи волнистые —
Кругами расплываются
Пылинки серебристые.*

*Плывёт, плывёт мелодия
Над играми синичьими.
И думаешь о Родине,
И веришь в счастье личное.*

*Берёзовая звонница.
На ветках свет колышется.
Она так ясно помнится,
Она так ясно слышится!*

Любовь земная

*Любовь земная, ты неугасима!
Лес, увядая, вспыхнул от мороза.
Гори, гори, осенняя осина,
Гори, гори, осенняя берёза.
В такое время громче зов природы.
Бурлят в реке зловецкие закаты.
Как мало вас, оставшиеся годы,
Как много вас, разлуки и утраты.
Ловлю рукой огонь на ветках тонких
И говорю: о, молодость, воскресни!*

*А мне в ответ, блуждая как в потёмках,
Выводит ветер жалобные песни.
Но журавлей своих не окликаю,
Их не обманет древняя дорога.
Я всё как есть на свете принимаю,
Познав тоску отцовского порога.
Любовь земная, ты неугасима!
Лес, увядая, вспыхнул от мороза.
Гори, гори, осенняя осина,
Гори, гори, осенняя берёза.*

У каждого поэта есть тема любви, отражённая в лирических стихах. В книге обычно её выделяют отдельным циклом. Есть она и в творчестве Анатолия Горбунова, но отдельным разделом не выделена. Сказать по правде, в основном поэты пишут о той любви, которая была. По сути все, кроме пророков и фантазёров, пишут о прошлом. Что касается любви к той единственной и неповторимой, поначалу о ней кричат на весь мир, а по истечении времени стараются молчать или, как Анатолий Горбунов, очень бережно и осторожно касаться, чтобы сокровенное чувство не выглядело с оттенком пошлости. Автор редко пишет от первого лица, чаще рисует любовь несостоявшуюся, как общую боль в результате неизбежных трагических расставаний. И никакой тебе тающей нежности на запотевших зимних окнах.

Падут снега

*Моя любовь — моя вина.
Владычица разлук.
Ах, эта женщина, она
Горька, что дикий лук!*

*Без окаянной, без неё
Померк в окошке свет.*

*А может быть, совсем её
И не было и нет?*

*Но сколько Бога ни моли,
Как непрощённый грех,
Опять разносится вдали
Её беспечный смех.*

*А дикий лук на островах
Давно сломал стрелу.
Желтеют перья на камнях
И тянутся к теплу.*

*Всему земной отмерен срок,
Забывши о зиме,*

*Ах, эта жениcina цветок
Напоминает мне!*

*Падут сыпучие снега,
Закажут память к ней,
И превратятся берега
В убитых лебедей.*

Соседская девчонка

*...Распростёртая речка внизу
Улыбалась, как спящая жениcina...
Ты судьбою была мне обещана,
Прозевал, проморгал егозу.*

*Время точит ветрами утёс.
На камнях серебрятся лишайники.*

*И черники туманные шарики
В горстку леший собрал и унёс.*

*О далёком напомнили мне
Ополовники тихими песнями.
Был тебе по годам я ровесником,
А по жизни моложе вдвойне.*

Предчувствие

*Тихо скажешь: «Не зови», —
Тихо скрипнешь дверью. —
«Были крылья у любви,
Да остались перья...»*

*И уйдёшь к другой судьбе,
К новому крыльечку.
Даже память о себе
Заметёшь в припечку.*

Также через досадную горечь, через невозвратную любовь, оборвавшуюся на взлёте, напоминает поэт о недавних локальных войнах Чечни и Афгана, заставляя задуматься о неразвившихся душевных возможностях.

Синие дни

*Солнечный волок — дальние дали.
Струйчатый свет!
Здесь мы ходили, стёжки топтали,
Вили свой след.
Пили горстями поздние грозы —
Эхо рассох,
А голубицы сладкие слёзы
Падали в мох.*

*Синие звоны, синие блики
Застыли взор,
И раздавались вещи вскрики
С дрёмных озёр.*

*Нам ворожила счастье гагара,
Вышел обман,
Выпала доля, выпала кара —
Афганистан.*

*Дальние дали — ягодный морок.
Синие дни!
Солнечный волок, солнечный волок,
Радость верни!
Милому с милой век бы любиться:
Канул мой друг,
Лишь поминальный плач голубицы
Слышен вокруг.*

Славянка

*Божий лик на стене
Опечален и строг.
И горит на окне
По ночам огонёк.*

*А давно ли, давно
В луговую росу
Растворяла окно,
Расплетала косу?*

*Сокол тайно влетал,
Озарял тихий дом
И до зорьки дремал
На оплечье твоём.*

*Он в далёкой Чечне
Пулей сбит на лету...
Огонёк на окне
Всё течёт в темноту.*

<i>Я не хочу любить тебя украдкой,</i>	<i>Лицо любви сияет одиноко</i>
<i>Когда сердца заводят разговор.</i>	<i>В житейской равнодушной суете.</i>
<i>Волнует галактической загадкой</i>	<i>А я лечу то низко, то высоко</i>
<i>Твой огненно-черёмуховый взор.</i>	<i>К неповторимой русской красоте.</i>

Единственное стихотворение из всего наследия поэта не имеет названия. Многие стихи написаны с горькой иронией, в том числе и о любви.

Весёлая любовь

*Разве можно забыть эти брови подковой?
Силу собственных чар ты не знаешь сама —
Оцелованных губ привкус вербы медовой
Так и сводит с ума,
Так и сводит с ума!
Ты пришла и ушла по разбитой дороге,
По ослежьям любви свой искать интерес,
Непутёвый апрель щедро бросил под ноги,
Отражая тебя,
Шёлк текучих небес.
Помнят звончатый смех наши дикие пущи,
Неуёмную страсть и забавы твои...
Ты оставила мне прутик вербы цветущей,
Да ещё близнецов —
Результаты любви.
Мне пелёнки стирать, управляться с коровой,
Озорных крикунов манной кашей кормить...
Разве можно забыть эти брови подковой,
Эту страсть, эту блажь
Разве можно забыть?*

Недаром С.А. Есенин в таких случаях выражался: «За свободу в чувствах есть расплата...», а тут и на алименты не подашь и сдачи не получишь. Как говорится, вехи нашего времени — гражданские браки да соломенные вдовцы без сеновалов. Однако перейдём к произведениям, которые охватывают иные, более мощные временные периоды нашей Родины. Они талантливо отражены в поэмах Анатолия Горбунова. Несомненно, в первом ряду стоит поэма «Деревня», в её временном отрезке гармонично заключены события от войны Великой Отечественной до правления генсека-предателя Горбачёва.

Когда умер Сталин, Толе Горбунову было одиннадцать лет. К тому времени его пытливый зоркий глаз, цепкая память, а также с малолетства артельный колхозный труд, определили, пускай ещё не до конца осознанно, и образное поэтическое видение, и мировоззрение, которым жила страна. О чём ярко и ощутимо свидетельствует поэма «Деревня», где автор по-народному, по-русски отвечает на вечные вопросы жизни и смерти. Главный герой поэмы — народ, у которого лидер: майор Иван Чудинов, прошедший через три войны и списанный по ранению.

<i>...Боец трёх войн Иван Чудинов,</i>	<i>Не занимать крестьянской сметки,</i>
<i>Фельдфебель, красный партизан,</i>	<i>Спасай, Иван, колхозный двор,</i>
<i>С карпатских гор в майорском чине</i>	<i>Не жди добра от пятилетки,</i>
<i>Комиссовали из-за ран.</i>	<i>Она крестьянину разор.</i>

*Ивана люди уважали
За трезвый ум, за доброту,
Он в грудь не бил себя — он строил.
С наградами не лез на вид,
Хотя с войны пришёл героем
Седой весёлый инвалид.
Земляк стыдился привилегий,
Надрывно кашлял от махры,
Чинил колхозные телеги,*

*Салазки гнул для детворы.
Иван работал до упаду,
Ворочал брёвна, как медведь,
С Ивана пот струился градом,
Ивану некогда болеть.
Он потерял в боях полжизни,
Домой вернулся, чтобы жить,
А довелось в снегах Отчизны
Седую голову сложить...*

Известно, что жизнь состоит из конфликтов, которыми и живёт литература, а в то время зачастую конфликт сопровождался доносом в НКВД и, как следствие, тайным арестом. Главный герой поэмы Иван Чудинов тоже стал жертвой подлого доноса. Из лагеря он уже не вернулся. Когда я прочёл «Деревню» Анатолия Горбунова, а перед этим «Большевика» Евгения Евтушенко, то невольно сравнил героев. Для инженера гидростроителя Карцева, что у Евтушенко, характерна застольная горделивая поза, которая видна, даже когда его пытаются в застенках Гулага.

*Я инженер гидростроитель Карцев,
Я не из хилых валидольных старцев,
Хотя мне, мальчик мой, за шестьдесят,
Давай поговорим с тобой чин чином
И наливай, как следует мужчинам,
В стаканы водку, в рюмки лимонад.
и т. д.*

.....
*...Мой мальчик, не забудь вовек об этом,
Меня пытали эти суки светом,
Который я для счастья добывал...*

Совершенно чуждая, не характерная поза для труженика, воина, для просто-го русского человека. Константина Константиновича Рокоссовского тоже пытали, зубы выбили, но об этом никогда маршал не говорил. Люди, испытавшие подобное, больше молчали.

Герой поэмы «Деревня» Иван Чудинов не по своей воле ушёл из неё, ушёл и не вернулся, но люди с чувством неизбывной вины о нём вспоминали, гадали: жив он или нет.

*...И вот весной из дальней дали
Пришло письмо на сельсовет:
Писал безвестный магаданин,
Печальный сын лесной страны:
«Друзья, оправдан ваш селянин.
Жаль, не дождался он весны.
Его ничто уж не разбудит:*

*Он перед смертью всех простил.
Ну почему в то утро, люди,
Его никто не защитил?
Ещё не раз аукнет вьюга,
Ещё не раз вильнёт стезя:
Держитесь крепче друг за друга,
Мои далёкие друзья...»*

Через родную хлебопашенную деревню автор, правдиво и высоко, поэтично показал всю страну, её печали и радости, её достижения и утраты, её непредвзятый народный взгляд на все происходящие события, показал с потаённой грустью, с незлобивой иронией, с народными частушками и ожиданием дней солнечных счастливых.

*Сегодня праздник урожая,
И столько всюду кумача,*

*Земля сибирская, родная!
Кругом портреты Ильича.*

Нет, не того, что в мавзолее
Полвека дремлет, как живой,
Другой глядит на ротозеев —
Генсек, четырежды герой.
От приднепровских конокрадов
Вёл род свой бывший политрук?
Любил охоту и парады,
Опутал блатом всё вокруг.

«Моя юбка синий цвет,
А под юбкой райсовет,
В райсовете исполком,
Приходите за пайком!»
Лихой генсек под звень бокалов
«Цыганку» с выходом плясал.
Однажды бедных аксакалов
Он саксаулами назвал.

.....
От орденов трещала грудь.
Такая лесть была услодой:
Награды шли со всех сторон.
Одной-единственной наградой
Не смог воспользоваться он:
Вождь с Филиппин отправил мило
Ему колечко для ноздри...
Политбюро отговорило:
«Опомнись, Лёнька! Не дури...»
.....

Поистине высказано народное отношение к липовым наградам. И всё же, в семидесятые годы и в начале восьмидесятых, деревня вместе со страной во все лёгкие глотнула вольного медуничного воздуха. Хотелось рожать детей, жить, учиться и творить во благо семьи и Отечества, да жаль: вдоволь надышаться не успела.

<i>Тебе, кормилица-деревня, Поклон великий до земли, За твой характер твёрже кремня, За свет, струящийся вдали,</i>	<i>За то, что в горькие години, Нацелясь плугом в новый век, Над бороздою гнула спины, Давала молоту разбег...</i>
---	--

О том, что кормилице скоро споют реквием, она ещё не ведала, а пока:

<i>Сапсан кружится над осокой, Румяный лист шуришит с рябин, И осень тыквой желтобокой В крапиву лезет через тын.</i>	<i>С речных угоров незабудки Ещё доносят лета звук. Стоит теплынь, но тянут утки Над Леной ниточку на юг.</i>
---	---

Выше я говорил, что по произведениям Анатолия Горбунова легко установить хронологию жизни страны. Следующая поэма «Пастух» с подзаголовком «Кнутониада» заключает период правления Михаила Горбачёва, по прозвищу «Меченый», которого рогатый враг человечества велел оберегать пуще собственного ока. Также период правления Бориса Ельцина, по кличке «Рельсын», обещавший за благо страны положить голову на рельсы. Но у бедняги не хватило духа, и на алтарь «демократии», как жертвоприношение, покатались головы других: преданных Отечеству сынов. «Кнутониада» актуальна и для сегодняшнего дня, поскольку высвечивает самочинные выборы с подкупом и одурачиванием населения, в данном случае, — в лице грибника. Поэма написана эзоповым языком. Её главные герои «пастух» и «грибник» показаны ярко, образно, узнаваемо.

...Споры пошли, пересуды,
Скользом затронули власть —
Как из дырявой посуды
Речь пастуха полилась:

— Миром антихристы правят,
Строят дворцы на полях,
Нас бэтээрами давят,
Хлебушко смертью пропах.
Вся иностранная нечисть
Ринулась в наши места.
Оборониться... да нечем...
Кроме родного кнута.
Власть пощадит нас едва ли,
Душу готова продать.
Больно за русские дали.
Стыдно за русскую рать.
Вот сколочу себе роту
И наготовлю кнутов,
То-то устроим охоту,
Выкнутим гнусь из дворцов.
А под уютные своды
Вселим калек и сирот:

Сбросим с хребтины народа
«Демократический» гнёт!
С кочки злоеце и пылко
Вдаль кнутовищем грозил.
Я почесался в затылке
И пастуха попросил:

— Слышь, запиши меня тоже
В славную шайку свою...
— Умник — ни кожи ни рожги,
Место твоё не в строю.
Место твоё у корыта...
Ох, патриот, уморил!

И, насмеявшись досыта,
Новенький кнут подарил.
— Он ещё нам пригодится!
Помни, не дремлют враги,
Ты его пуце зеницы
Втайне от всех береги...

.....
А через месяц и точно
Жаркая сеча была.
Рота на ферме молочной
Жизнь за страну отдала.
Четвертовали героя.
В печке спалили кнуты.
Надо же, горе какое!
Значит, России кранты?
Стыдно за мокрые гачи.
Стыдно за русскую рать.
Под оккупантами, значит,
Снова нам век куковать?
.....

*Крякнул пастух от досады,
Сжал агрессивно персты:
— Пало колхозное стадо,
Шкуры пустил на кнуты.
Переворота в России
Даже не выдержал скот:
Ждёт не дожждётся мессию
Духом упавший народ.*

В итоге: мессию не дождались, пастухи пролезли в депутаты, шаблонный кнут грибника им же в отчаянной горячке был порублен и сожжён, в правительстве засели не русские.

<i>...Кто остановит садиста, Нашу Россию спасёт? А за окном серебристо Зяблик на подвиг зовёт.</i>	<i>Травы умыты дождями, Скоро ползут грибы. Эх, не везёт нам с вождями: Купле-продажные лбы...</i>
--	--

Остаётся жить, грибы собирать и надеяться на певчую птичку: на зяблика, который через подвиг призывает к спасению.

Анатолий Горбунов написал пять высокохудожественных поэм, все они рождены народным чаяньем на злобу дня и с думой о вечном, рождены по великой сыновней любви к Родине-России.

Также писатель и на ниве детской литературы потрудился самозабвенно. Говорят, что для детей надо писать, как и для взрослых, только гораздо проникновеннее. Анатолий Горбунов этот постулат оправдал, как никто другой. Лично мне такой воспитательной нежности, умной светлой любви по отношению к малым детям — дошколятам среди других авторов встречать не приходилось. Такая поэзия — своего рода духовная ковка нравственности и реальное познание окружающего мира. А в этом мире есть не только мамы и папы, а ещё тайга и реки, лекарственные травы, звери и зверушки, ловчие и певчие птицы, цветы и насекомые и, конечно же, домашние животные, знание о которых, несомненно, пригодится малышам в будущей жизни. Я уверен: к звенящему целительному роднику словесности Анатолия Горбунова будут припадать, утолять духовную жажду и взрослые, и дети, из поколения в поколение.

Страда

<i>Вьются над росами Первые мошки. Дети и взрослые Садят картошку, Над огородами Солнышка много! Трудится Родина, Молится Богу,</i>	<i>Чтобы погожими Были полудни, Чтобы пригожими Выросли клубни... Быстро прокатятся Лето и осень: Кто не спохватится, Зимушка спросит.</i>
---	--

Кто из нас в детстве, помогая старшим, не трудился на страдных работах, а после поля не играл в прятки? Среди деревенских ребятишек таких не найдёшь, трудились все, играли тоже.

Считалка

*Сплёл казак уздечку,
Обуздал овечку,
Полетел, как птица,
На войну рубиться.*

*Вместо шапки — палка,
А на палке галка,
И на галке шляпа...
Выходи, растяпа!*

Вава

*Доводил детей до слёз,
Разболтался мальчик.
Не стерпел дворовый пёс,
Цап его за пальчик.*

*— Вава! — мальчик завизжал.
Пёс вздохнул доволью:
— Всем, кого ты обижал,
Было тоже больно.*

Роль воспитателя на себя взял дворовый пёс. А вот и медведиха в той же роли.

Огольцы

*Огольцы полянку жгли,
Радостно шумели.
Дунул ветер — поползли
Огненные змеи.*

*Он бы выгорел дотла
Вместе с огольцами.
Отстегала их лозой,
Надрала им уши
И отправила домой,
А могла бы скушать...*

*Бор медведиха спасла,
Затоптала пламя —*

А вот про травы, которые мы топчем, а как называются и какая от них польза, не знаем:

Травы

*Чай из листьев костяники
От испуга пьют зайки.
Ротозеи сок герани
Пьют, когда змея поранит.
У кого в коростах тело, —*

*Пьют настой яснотки белой.
А настой фиалки дикой
Пьют рахитики и хныки...
Много ценных трав на свете,
Изучайте травы, дети!*

На бору

*По лекарственные травки
С бабушкой ходили мы,
Плакал ключ, лисёнок тявкал,
Ворон хлопал крыльями.
Я налево и направо
Сёк цветочки прутиком,
Бил по лилиям кудрявым,
Бил по жёлтым лютикам.
Нападал на астрагалы,
На поганки бледные...
— Хватит! — бабушка сказала, —
Все они целебные.*

В творческом наследии Анатолия Горбунова, в разделе для детей, мы встречаем разных животных, птиц, домашних и диких, — все они сугубо наделены привычками, характером, сформированным наследственностью и средой обитания.

Иволга

<i>Поселилась в чаще,</i>	<i>Вот и песни свиты</i>
<i>От земли повыше,</i>	<i>Из прозрачных свистов.</i>
<i>В шарике висящем</i>	<i>Есть ещё подпесни —</i>
<i>На берёзе пышной.</i>	<i>Развесёлый щебет...</i>
<i>Солнышком облита,</i>	<i>Музыке небесной</i>
<i>Пьёт росинки с листьев,</i>	<i>Научиться мне бы!</i>

Козлик

<i>Козлик жил да поживал</i>	<i>Похудел, едва ходил —</i>
<i>В нашем переулке,</i>	<i>Быстро умер козлик,</i>
<i>Но испортился и стал</i>	<i>Потому что он курил</i>
<i>Собирать окурки.</i>	<i>И не слушал взрослых.</i>

Краткий обзор поэзии Анатолия Горбунова, адресованный малым ребятишкам, закончим загадками и скороговоркой.

Летучая мышь

*Нетопырик-нетопырь,
Свои ушки не топырь,
Мимо окон не летай,
С татем в прятки не играй.*

Клещ

*С виду махонький такой,
А когда вопьётся,
Станет круглый и большой —
Крови насосётся.*

Сокол

*У него такой обычай:
Набирает высоту,
Грудью бьёт свою добычу
И хватает на лету.*

Пищуха

*Среди скал живёт медведка —
Не медведь, а мышка редка.
Знойным летом травы косит,
В тайничок сенцо уносит.*

Рысь

*Шубка в пятнышках на ней,
На ушах метёлки!
Промышляет глухарей
На брусничной рёлке.*

Сколько познаний родная флора и фауна открывает детям через эти загадки.

Скороговорка

<i>Был баран в барабан.</i>	<i>Взял баран барабан,</i>
<i>Дула утка в дудку.</i>	<i>Обменял на дудку:</i>
<i>Барабан-тарабан!</i>	<i>Дует в дудку баран.</i>
<i>Дудка-перегудка!</i>	<i>Барабанит утка.</i>

Однажды я застал Анатолия за чтением русских народных сказок, спросил: «Что, до сих пор увлекаешься сказками?» Анатолий отложил книгу и, сурово взглянув, неспешно выговорил: «Да читаю, сказки надо иногда читать, чтобы не забыть волшебную страну под названием Детство. Ещё они учат лаконичности языка».

Вскоре Анатолий издал книгу сказок с названием «Птица-Заряница». Сказки Анатолия Горбунова отмечены ярким сибирским колоритом и, по русской традиции, счастливым окончанием, где всегда побеждает правда и любовь.

Как-то бывший Председатель Союза писателей России Валерий Николаевич Ганичев несколько критично выразился о писателях, дескать, заставь их рассчитаться на первый-второй, все будут первыми, вторых не будет. Если в прозе заслуженно высвечено имя Валентина Распутина, то в сибирской поэзии, несомненно, первое место займёт Анатолий Горбунов. Рядом с ним, по духу и образу мысли, по поэтическому видению и гражданской позиции, из ушедших и ныне здравствующих поэтов, трудно кого-то поставить. Поистине: со своей Музой Анатолий Горбунов делил корку хлеба. Если в отношениях со знакомыми людьми за ним случалось наблюдать простоватую деревенскую хитринку, вроде той сказки, что про кашу из топора, то в творчестве поэт был правдив: никакого лизоблюдства и флюгерства не допускал. Цену себе знал и никогда ни перед кем не прогибался, не сквернословил и рубаху на груди не рвал.

Что же касается прозы писателя, то сам он её обозначил тремя разделами: рассказы и были, побывальщины, сказки. Сюжеты рассказов продиктовала сама жизнь размеренная, в веках испытанная освоением сурового обездоленного пространства, где восемь месяцев зима с лютыми морозами и коротким кровососным от мошки, изнурительным от жары двухмесячным летом, когда подчас день год кормит, только не зевай и не ленись.

Всякие времена отражены в прозе Анатолия Горбунова: и трудные послевоенные, когда сибирские деревни безропотно, надрываясь под тяжестью налогов, вытаскивали страну из губительной пропасти голодомора, и когда, оправившись после хрущёвских очередных социальных выжимок, народ России, едва хлебнув чистого свободного воздуха, заново попал под разор предательской горбачёвской перестройки, упорно ввергающей страну в развратную торгашескую безнадёгу с безработицей, с разрушением семьи и социалистической морали.

В рассказе «Чагора» писатель показывает характерный для нашего времени сатанинский заглот, когда у человека нет будущего.

«Солов окинул презрительным взглядом усохшего от пьянки батрака: гнать надо — белая горячка на пороге. Нравится супостату «демократический строй». Грабь, топчи, унижай... Одно беспокоит: вдруг власть перевернётся? Тогда не сплывишь пушнину в Москву, не наймёшь батрачить за выпивку и харчи даже таких, как этот алкаш.

Леонтия надломил горе: семья отравилась старым комбикормом, хранившимся в цинковом баке. Хлеба купить не на что, жена и наварила скотской каши...

Захлестнула посёлок мёртвой петлёй безработица. Люди едят что попало. Каждый день похороны: безропотно освобождает народ свою отчую землю для

будущих заморских хозяев. Вспомнилась зеленоглазая Клавдия, дети... Леонтий тайком смахнул горючую слезу со щеки: «Не уберёг сердешных...» Чужало сердце беду, а нищета пересилила, уехал на попутной моторке продать свою кровь — дедям на сахарок.

Бесы правят страной. Сколько из-за них замёрзло под заборами бездомных ребятишек, сколько честных людей руки на себя наложило...»

Что и говорить, времечко нам досталось: подлее не бывает, — не позавидуешь и не выпрыгнешь, волей-неволей, а перебыть его должно и нужно. И в этом нам помогут наши внуки. У Анатолия Горбунова есть рассказ в полторы страницы «Гуси-лебеди», в котором через бытовые природные отношения веет чувственной вечностью и духовной силой русского, сибирского человека. В нём показан совершенно иной, бесконфликтный жизненный срез.

«...Дедушка, на улице кто-то плачет.

Дед Алексей подошёл к окну по домотканой дорожке и чутко прислушался.

— Это гуси-лебеди, Ваня.

— Почему они плачут? Их обидели?

— Никто не обижал. Жаль расставаться с Родиной, вот и плачут, — объяснил дед Алексей.

— Зачем тогда улетают, пусть остаются, — голос малыша задрожал. — А куда гуси-лебеди летят?..

Дед Алексей стоял рядом и молчал. Он был взволнован не меньше внука...

Перед глазами встало далёкое детство и летящие над родной деревенькой гуси-лебеди.

Любовь к Родине приходит к нам однажды и навсегда. Она приходит через светлую печаль расставания с синеглазым детством, через мудрость первых детских слёз».

Недаром одну из главных книг писатель назвал «Любовь земная». Необходимо сказать, что Анатолия четыре раза настойчиво приглашали учиться на высшие литературные курсы, но в Москву он так и не поехал, о чём никогда не сожалел. Не сказать, чтобы его не жаловали, но особо и не чествовали, хотя на многих конкурсах всесоюзных и международных творчество писателя высоко оценивали. К сожалению, возле каждой чиновничьей кормушки есть свои крикуны и лизоблюды, а таланты, как известно, не прощают. В последние годы жизни юбилей Анатолия Горбунова дважды совпадали с юбилеями прославленного писателя Валентина Распутина. Валентин Григорьевич родился 15 марта, а Горбунов Анатолий 16 марта, в связи с этим я, будучи председателем Правления Иркутской писательской организации, говорил Анатолию: «Родился бы ты на день раньше, а так, сам понимаешь, — кому любовь, кому — облюбочки». Анатолий Константинович честолюбием не страдал и относился к данной ситуации безболезненно. Юбилей поэта отмечали просто, по-домашнему, и песни на его стихи под гитару звучали очень даже проникновенно.

Не так давно в разговоре со Станиславом Юрьевичем Куняевым мы коснулись творчества Анатолия Горбунова. Станислав Юрьевич с оттенком досадной грусти сказал, что только сейчас он начинает по-настоящему открывать для себя Горбунова.

Помнится, провожали в последний путь одного из писателей, идём в ритуальный зал на панихиду, а в глаза — броская реклама: «Евро гробы!» Анатолий говорит: «До чего обезьянство доводит, уже по-русски, просто по-человечески и похоронить не можем».

В последний путь проводить друга мне не довелось. За четыре дня до его кончины мы расстались. По весне, когда сошли снега, я посетил его довольно скромную, как у большинства почившего народа, могилу. На простом жестяном памятнике под крестом в обрамлении глянца высвечивалась последних лет фотография писателя, под ней черта, разделившая две могучие даты. Я глядел на фотографию, в памяти всплывало всё то, что связывало нас за этой чертой. До слуха внезапно донеслись почти забытые протяжные звуки, похожие на глуховатые скрипы колодезного журавля, которые помнились с детства. Я задрал голову: да, это были они, те самые, из «Божьей рати» — сородичи колодезного. С далёких Балканских высот они принесли нам первый весенний привет.

В. Забелло у могилы А. Горбунова.

16 марта 2021 г., село Утулик